

УДК 82.31

ИДЕАЛЬНАЯ МУЧЕНИЦА ИЛИ ГРЕШНИЦА (образ девочки в произведениях А.М. Ремизова)

ЖЕРНОВА Наталья Сергеевна,
аспирант кафедры литературы филологического факультета,
Вологодский государственный университет

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются образы девочек в произведениях А.М. Ремизова. Писатель, сравнивая этот образ с образом мальчика, подчеркивает в своих героинях нравственную силу, чистоту, цельность. Анализ персонажей-девочек в произведениях Ремизова помогает понять особенности мировосприятия автора и социальные процессы, происходящие в русском обществе на рубеже XIX–XX вв. Делаются выводы о том, что в произведениях писателя образ девочки – чаще всего образ греха, над нею сотворенного, образ вселенской беды, совести, долга. Также девочка – это недостижимый идеал, предвестник несчастья. Портрет ремизовской героини многолик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ девочки, героиня, недоступный идеал, жертвенность, А.М. Ремизов.

ZHERNOVA N.S.,
Postgraduate Student of the Department of Literature,
Vologda State University

**IDEAL MARTYR OR SINNER
(THE GIRL'S IMAGE IN A.M. REMIZOV'S WORKS)**

ABSTRACT. The article deals with the images of girls in A.M. Remizov's works. The writer, comparing this image with the boy's one, emphasizes moral strength, purity, and integrity in his heroines. Analysis of the girl characters in the books by Remizov helps to perceive the peculiarities of his world perception and social processes taking place in Russian society at the turn of the XIX–XX centuries. Conclusions are drawn that in the writer's works the image of a girl is more often the image of sin over her committed, the image of the universal misfortune, conscience, duty. The girl is also an unattainable ideal, a harbinger of misfortune. The image of Remizov's heroine has many faces.

KEY WORDS: girl's image, the heroine, unattainable ideal, sacrifice, A.M. Remizov.

Тема семьи – важная тема русской и зарубежной литературы всех времен. Для классической русской литературы семья – это нравственная основа человеческого бытия. «Мысль семейная» прослеживается в большей части произведений XIX века. Трагический XX век (ссылки, бунты, войны) внес свои коррективы в восприятие этой темы. Революция практически полностью изменила систему нравственных, моральных ценностей общества, подорвала семейные основы, разрушила семьи. В связи с этим важным становится образ ребенка, отчужденного, ненужного.

Для А.М. Ремизова чаще главными персонажами являются герои-мужчины. Они несут авторскую правду, мировоззрение, часто в них угадывается сам писатель. Однако автор в своих произведениях рисует и целую галерею женских образов: страдалиц и жертв, воинственных и падших. Его героини одиноки, их участь символизирует не только личное страдание, но и «страды мира» – универсальное унижение и оскорбление человека человеком [1, с. 45]. Нередко в произведениях появляются и дети – чаще мальчики, девочки играют второстепенные роли. Но второстепенность – не значит неважность.

Цель нашей работы – выявить важность образа девочки в произведениях А.М. Ремизова; определить значения данного образа; сопоставить его с образом мальчика; обозначить причины различий.

В 1904 г. у писателя родилась дочь Наташа, которая была отдана на воспитание в семью жены из-за серьезных материальных затруднений Ремизовых. Алексею Михайловичу так и не удалось вернуть дочь в семью, а эмиграция разлучила супругов с ней навсегда. Эта трагедия будет с Ремизовым всю жизнь.

Как показывает анализ творчества писателя, девочка, вечная девочка – это образ вселенской беды, образ греха, над нею сотворенного, образ совести. Также девочка – недостижимый идеал. Изначальная Вечная Женственность – самоотверженность, жертвенность, долготерпение – весьма характерна для русской литературы символистской эпохи, и особенно для А.М. Ремизова. В его «мученицах», «падших», «сестрах усердных», «странницах», несущих в себе Любовь, Мудрость, Прекрасное, проступает Божественное начало.

Образ девочки у Ремизова часто появляется как предвестник беды, несчастья. Так мальчик Костя из повести «Часы» видит сон про свою младшую сестру – гимназистку Катю, в котором она пеняет ему, что он подобрал ей гроб не по размеру. Катя обречена на страдание. Не случайно автор выбирает героине такое имя: Екатерина – «чистая, непорочная».

В самом начале создается впечатление, что кто-то наблюдает за ней: «Пришла Катя, задумчивая, утомленная, отщипнула хлеба, подошла к зеркалу,

посмотрелась так, будто кто смотрел на нее, – запечалилась» [2, с. 22]. Образ черных часов как символ смерти преследует ее на протяжении всего повествования: «*Катя прислушивалась к часикам, ей все казалось, она могла бы по этим чуть внятным звукам, по этим чуть брезжущим голоскам, пробраться в какую-то такую глубь и там все увидеть. Они ее примут. Они возьмут. Они поведут ее*» [2, с. 25]. Девушка мечтает о смерти как избавлении от ужаса и скорби мира, и смерть забывает ее. Катя видит во сне «незнакомую женщину, покрытую покрывалом», «сиделку». Это и есть смерть, которая говорит, что «там» не будет времени, часов. Она разбивает «черные Катинины часики», забирает несложившуюся мрачную жизнь. Автор откровенно жалеет героиню: «*Бедная, милая Катя. Несчастливая девушка, не сказавшая своих тайных горячих слов, не излившая сердце, свое сердце*» [2, с. 66]. Она – определенно героиня-страдалица, в конце своей жизни приближается к мученицам с иконы: «*Большие глаза были слишком духовны, не было в них ни капельки крови, и чернелись на обтянутой коже брови, как две черные стрелки, и вся она была какой-то чужой, не прежней*» [2, с. 66]. Для нее больше нет прошлого: любви, привязанностей, ее больше ничего не держит в этом мире: «*Она ничего не хотела, ее ничего не влекло. <...> Не помнила вчерашних дней. А ведь еще недавно так любила крепкую белую зиму, еще недавно так любила...*» [2, с. 66–67].

Наряду с несчастной Катининой судьбой автор не раз подчеркивает уродство Кости Ключкова, рисует его борьбу со временем, часами, и важным становится образ еще одной героини – Лидочки Лисицыной. Она второстепенный персонаж, но играет не последнюю роль в повествовании: несомненно, что Костя немало страдает из-за своего влечения к ней и из-за ее неприятия. «*Есть и другие барышни, но не влечет меня, – обьясняется Костя, – я не говорю с ней: дар слова теряется, так хороша она, лучшие нее и не может быть на свете*» [2, с. 49]. Е. Горный считает, что «жажда вселенского преображения и жажда сексуального удовлетворения сливаются здесь воедино: "... часы по-прежнему идут, как шли вчера и сегодня, по-прежнему всякий смеется над ним, а Лидочка Лисицына так же далека от него, как и раньше"» [3, с. 197]. И даже приворот лягушачьей лапкой не помогает. Костя – урод, у него кривой нос, а у Лидочки – сахарно-выточенный носик, для Кости она недостижимый идеал: «*Ловила протянутая рука Кости маленькую ручку, но ручка, насмехаясь, увертывалась*» [2, с. 14]. Окончательно потеряв ум, «избавив» людей от часов, Костя воображает себя то конем, то учителем и сыщиком в бобровой шапке, атласной шубе и с носом, как на картинке. Он бежит к любимой Лидочке: «*Изогнулся весь, нащупал присевшую Лидочку, вытянул ее и, притянув к себе, впился губами, и целовал в губы и щеки, целовал взапас, присвистывая, причмокивая, приговаривая, и вдруг широко разинув рот, закусил ее сахарно-выточенный носик...*» [2, с. 88]. Костя пытается избавиться от чувства неполноценности, изуродовав любимую девушку, изнасиловав тело и душу, но не чувствует удовлетворения, снова страдает.

Здесь, как и в других книгах А.М. Ремизова, девочка часто – недоступный идеал. Это, вероятно, можно соотнести с личной жизнью писателя. Биографические мотивы прослеживаются во многих

произведениях автора разных лет. В романе «Пруд» такой девочкой-мечтой станет Верочка, в которую главный герой Николай влюблен в детстве: «*Верочка же он видел только вечером, с Верочкой он ни разу не здоровался за руку, никогда не подходил к ней близко, он слышал только ее голос, она какая-то воздушная проходила мимо его*» [4, с. 93]. Коля влюблен был и в Машу, но «не знал, что он любит Машу <...>, а о Верочке Коля знал, что влюбился в нее, и себе втайне, только себе одному назвал свое чувство» [4, с. 93]. С ней связана его первая любовная тоска. Подражая старшему брату Пете, Коля заводит дневник, где изливает свои чувства к Верочке: «*...и не было строчки без имени, дорогого и страшного, первого имени*» [4, с. 93]. Есть у героини Верочки прототип – «Вера Алексеевна Зайцева <жена писателя Б.К. Зайцева> – ровесница Ремизова, которая помнит его с детства. Они жили в Москве по соседству. Она «видела Ремизова в церкви и с другими мальчиками на прогулке в парке» [5, с. 548].

Говоря об образах девочек в произведениях А.М. Ремизова, нельзя не затронуть Лейлу – героиню книги «К Морю-Океану», второй части знаменитой, любимой автором «Посолони». Сюжетная схема книги проста. Мальчик Алалей и девочка Лейла отправляются в опасное и полное увлекательных приключений путешествие к Морю-Океану. На своем пути они встречаются с множеством мифологических и квазимифологических существ, которые в основном доброжелательно относятся к детям и их затее. Преодолев все препятствия и по ходу дела познакомившись с совершенно неизвестным им миром русской демонологии, герои достигают символической цели. Дети любознательны, коммуникабельны, добры, часто не по-детски рассудительны. Даже внешне страшные и отвратительные существа вызывают у них сочувствие, как например Колокольный мертвец, осужденный на вечное ночное сидение на колокольне.

– За что тебя, дедушка? – окликнула Лейла, несмолчивая.

– И сам не знаю, – приостановился мертвец на посту, – и набожный был я, хоть бы раз на посту оскормился, не потерял совесть Божью и стыд людской... Видно, скажешь лишнее слово и угодишь...

– У тебя язык, дедушка, длинный?

– Нет, не речливый! Нет, не зазорно я жил, не на худо, не про так говорил и колокольному звону я веровал...

– А зачем ты, дедушка, веровал?.. ты бы лучше в колокольню не веровал, дедушка! [6, с. 115].

При этом Алалей и Лейла не совсем равнозначные персонажи. Лейла живее, умнее и, видимо, старше мальчика. Она способна к мистическим прозрениям. Именно ей «доверяет» Ремизов важную для себя мысль о «Слове о полку Игореве». Перед встречей с «лютыми зверями» девочка видит сон, напоминающий битву с половцами:

– Мне снилось... Я попала на поле, на поливанское поле! Не сухой протистник – стоит войско, не серые пчелы – летают пули, валяются тела, что лесные тельвы, падают головы, что лесные листья, и течет кровь – стремнистая речка. А из-за крутых гор страшные грозною тучей идут на нас... И вдруг будто ночь, я скачу на коне – сивый конь, красное седло [6, с. 121–122].

Батальная сцена дана в особом детском восприятии, с речевыми ошибками («поливанское поле»

вместо «половецкого»), анахронизмами («летают пули»), со смешанным во времени эпизодом солнечного затмения («вдруг будто ночь»). События древней отечественной истории, отраженные в «Слове», существуют, по мысли писателя, на глубинном уровне сознания ребенка. При этом Алалей, которому девочка рассказывает свой грозный сон, называет ее «дочерью горностая», что тоже является косвенной отсылкой к «Слову...» [7, с. 100–203].

Девочка-героиня – это не только возвышенный, недостижимый идеал, чаще всего (особенно в ранних декадентских книгах) у Ремизова девочка является жертвой. Это Машка Пашкова – дочь слесаря из того же романа «Пруд». Это бедная девочка с отцом-пьяницей, жертва: *«Подымают Финогеновы свои знамена и хоругви и трогается крестный ход: избивание младенцев»* [4, с. 84]. Этот крестный ход, по мнению Г. Слобин, «становится многозначным символом: с одной стороны, он часть христианской легенды, священной истории, христианского обряда и драмы-мистерии, с другой стороны, он на наших глазах входит в детский фольклор» [8, с. 67]. Имя героини также выбрано автором неслучайно. По одной из версий, Мария – значит «отвергнутая». Она безответно и безнадежно влюблена в главного героя, ради своей любви готова на все – даже торговать своим телом может, только бы угодить Николаю.

Девочка у Ремизова – образ греха, над нею сотворенного. Грех вообще очень частотен в книгах писателя. Еще одна героиня романа – Маргаритка – с детства зарабатывала попрошайничеством, а потом, когда ей еще не было и пятнадцати, попала в публичный дом. При упоминании о ней впервые возникает образ земли обетованной, образ ангельских крыльев (как один из главных мифологических лейтмотивов романа), но в слипшихся комьях кровавой грязи – с этого момента начинается Колино паденье. А.М. Ремизов рисует не просто черные крылья, но крылья в кровавой грязи, что символизирует неизбежность грядущей смерти. Имя Маргаритки созвучно названию цветка, но с развитием повествования становится ясно, что это имя падшей девки, которую удобно окликать на улице, еще удобнее было бы называть ее просто Ритка. В начале произведения она характеризуется как «чистая», «ласковая», «проворная», «сахарная», для главного героя поначалу она – «невинная», «кружевная, как игрушечная». Позже она – «сволочь, кожа желтая», у нее «запудренные глаза и лысина». Образ падшей женщины (а точнее девочки, ведь всем этим «женщинам» – четырнадцать-пятнадцать лет) появляется во многих произведениях писателя декадентского периода. Еще одна девушка с изнасилованной душой и телом – чудотворная Верушка из повести «Крестовые сестры». Ее судьба страшна: в пятнадцать лет, один раз став жертвой насилия, она превращается в рабыню: *«И опять пошло то же, сначала сам хозяин-буфетчик, за буфетчиком околочный надзиратель. Как ночь, уж кто-нибудь непременно – человек по пять за ночь к ней приводили»* [2, с. 149]. Образ Верушки Ремизов взял из заметки «Драма няньки», помещенной в газете «Биржевые ведомости» 22 февраля 1910 г. за подписью А. Потемкин. Ремизов лишь немного изменил судьбу названной в газете Екатерины В. – та не была круглой сиротой, и из притона ее спасают отец и мачеха. Ремизов превратил ее в «чудотворную» и отправил «в люди», тогда как девушка-прототип так и осталась дома [9, с. 124]

Девочка в книгах писателя – это грех. Это и Аришка из произведения «В плену», чистенькая и опрятная, *«...а глаза светлые, детские и жалуют, и смеются, и просят, и тоскуют. И вся она живет перед нами какая-то горячая и желанная»* [10, с. 92]. Маленькая девочка, сожительствующая с купцом и поддельвающая деньги, прикончившая «старуху злую». Она представляется автору маленькой болтливой птичкой, жизнь которой – мгновение. Она схожа с Маргариткой из «Пруда»: падение и разврат становятся для нее привычным, даже любимым делом.

Рядом с детьми часто появляются образы животных (Коля и кот Наумка, дети из «Пруда» и крысы, собака Розик). В книге «Крестовые сестры» поет нищенка, бродящая со двора во двор, безногая девочка Маша, а главному герою Маракулину кажется, что это воет Мурка... Мурка – бедная, безвинная кошка, которую кто-то накормил стеклом или гвоздями и которая долго и мучительно умирает во дворе. И Маракулин проводит параллель между Машей и кошкой – обе никому ненужные, брошенные на произвол судьбы, страдающие. Схожи страдания безвинных тварей со страданиями души человеческой – Коли, Маракулина. Стонет умирающая кошка, визжит придавленная собака, а кажется, что плачет человек, потерявший себя в безликости, серости мира. Плачет «изнасилованная» душа.

Но девочка у Ремизова – это не только грех, не только вина, в поздних книгах появляется девочка-долг. Это Оля из романа «В розовом блеске». В главе «Голова львова» автор вспоминает самые первые чувства, переживания девочки: *«Самая давняя память у Оли – первая – ощущение тепла и ласки: любимая бабушка берет ее, сонную, к себе на руки и несет на кроватку»* [11, с. 507]. Но добрые светлые воспоминания перемежаются с чувством страха: *«Ощущение первого страха оказалось словом: “страх смерти” и “страшный суд”»* [11, с. 507]. А после тепла и страха необычный для маленького ребенка вопрос: «Откуда люди?». Со всего этого начинается «мысль», непрерывная, неотвязная. *«Оля росла “задумывающейся” – мечтательной. <...> Оля росла непохожая ни на сестер, ни на брата. Рано пробудилась ее мысль – слишком рано стала она замечать и, различая, уж не мыслью, а каким-то сердцем расценивала»* [11, с. 510].

Девочка легко чувствует неправду, «первую “неправду” Оля почувствовала в очень раннем возрасте» [11, с. 512]. Эта неправда ее пугает и раздражает одновременно. Это чувство будет с ней на протяжении всей жизни.

Ремизов отмечает, что такая судьба девочки неслучайна, а предрешена свыше: «В детстве Олю встретила Норна – одна из трех и открыла ей путь.

“Оля, – сказала она, – ты должна посвятить себя Богу <...> Тебе надо левую грудь отрезать и положить под образа” [11, с. 629]. Не зря автор дает героине имя Ольга, что значит «святая, великая».

Страница Ильина так скажет про Олю, отмечая ее «нездешность»: *«Все мне в тебе нравится: ты хорошия. Одно только у тебя – и это может помешать – нездоровое начало есть: мистическое»* [12].

Девочка с мистическим началом – это не только Оля, но и Оде из Устьсысольска, к которой сама Кикимора являлась в облички зверька («Иверень»): *«И вдруг видит: из-за печки кошка – в доме не было кошек – и очень большая, таких она никогда не видела. <...> Оде ничуть не испугалась: или от то-*

го, что уж очень чудная кошка, неправдошная. Не испугало Оде и то, что лапа с блестящими когтями оказалась чересчур холодная и какая-то легкая, приставная» [13, с. 417]. Кроме девочки, никто не видит кошку, а Кикимора полюбила Оде, как родную дочь, умывает ее, причесывает, играет. «С этого дня Оде не узнать было. И с каждым днем она становилась беспокойнее» [13, с. 412]. Девочка умрет от любви, любовь Кикиморы сильная: «Кикимора, играючи, задушила!» [13, с. 429]. По мнению Ремизова, «Кикимора – существо доброе: зла не хочет, зла на уме не держит» [2, с. 242].

Девочка, объединяющая много образов, – девочка-изгой. Одна из таких изгоев – Паранька из рассказа «Иван Купал» – с глазами, грустящими не по-детски мучительно. У нее взгляд, как у Оде, «вдаль», она смотрит за реку и лес. Ее гонят дети, как огорельшевы гнали Машку Пашкову, «и не было на земле места, где бы схорониться можно» [10, с. 109]. Ю.В. Розанов предполагает, что в обра-

зе несчастной Параньки, обиженной сверстниками, Ремизов переосмысливает собственную ситуацию, сложившуюся в вологодской ссылке [7, с. 242]. И таких изгоев в книгах Ремизова предостаточно.

Различные психологические типы девочек и женщин у Ремизова маркируются, как правило, специфическими деталями в портретном описании. Так, внешне привлекательная Маргаритка прячет язвы и слезы, идеальная Ольга имеет черты внешности жены писателя.

Итак, можно отметить, что наиболее часто встречается у Ремизова образ девочки, которая несет в себе укор за грех, совершенный над ней – ее душой и телом. Она – идеальная мученица. Девочка выражает всю боль Ремизова за человечество, «все страды мира». Она – жертва, непринятая, изгой. Грешницей она становится не по своей воле, а по прихоти общества. Этому образу противопоставлен образ девочки-мечты, недоступного идеала, девочки с мистическими чертами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Русские писатели XI – начала XX века. Библиографический словарь [Текст] / под ред. Н. С. Скатова. – М., 1995. – 592 с.
2. Ремизов, А.М. Собр. соч. Т. 4. Плачущая канава [Текст] / А.М. Ремизов. – М. : Русская книга, 2001. – 560 с.
3. Горный, Е. Заметки о поэтике Ремизова: «Часы» [Текст] / Е. Горный // В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана. – Тарту : Эйдос, 1992. – С. 192–209.
4. Ремизов, А.М. Собр. соч. Т. 1. Пруд [Текст] / А.М. Ремизов. – М. : Русская книга, 2000. – 576 с.
5. Ремизов, А.М. [Комментарии к роману «Пруд»] / А.М. Ремизов // Собр. соч. Т. 1. Пруд / А.М. Ремизов. – М., 2000. – С. 525–570.
6. Ремизов, А.М. Собр. соч. Т. 2. Доука и балагурье [Текст] / А.М. Ремизов. – М. : Русская книга, 2000. – 720 с.
7. Розанов, Ю.В. А.М. Ремизов и народная культура [Текст] / Ю.В. Розанов. – Вологда : ВГПУ, 2011. – 216 с.
8. Слобин, Грета Н. Проза Ремизова, 1900–1921 [Текст] / Грета Н. Слобин. – СПб. : Академический проект, 1997. – 206 с.
9. Данилова, И.Ф. Страшная месь: из комментария к повести А. Ремизова «Крестовые сестры» [Текст] / И.Ф. Данилова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. – СПб. : Салерно, 2003. – С. 113–124.
10. Ремизов, А.М. Собр. соч. Т. 3. Оказион [Текст] / А.М. Ремизов. – М. : Русская книга, 2000. – 672 с.
11. Ремизов, А.М. В розовом блеске [Текст] / А.М. Ремизов. – М. : Современник, 1990. – 751 с.
12. Ремизов, А.М. Доля [Электронный ресурс] / А. Ремизов. – (<http://www.emigrantika.ru/bib/281-bookv>).
13. Ремизов, А.М. Собр. соч. Т.8. Подстриженными глазами. Иверень [Текст] / А.М. Ремизов. – М. : Русская книга, 2000. – 700 с.